
Цепь и пепел
Андрей Галдин

Андрей Галдин
Цепь и пепел

https://litres.ru/74725082
SelfPub; 2026

Аннотация

Говорят, ангелы охраняют людей. Но что, если забота превращается в цепь, а спасение требует слишком высокой цены? В мире, где небесные законы крепче клятв, каждому хранителю доверена душа, которую он обязан оберегать. И всё же даже ангелы способны ошибаться, любить, предавать и идти против установленного порядка.

Пока граница между мирами истончается, тени начинают проникать туда, где им не место. За исчезновениями, забытыми обещаниями и чужими голосами скрывается тайна, способная изменить представление о добре и зле. Здесь нельзя верить свету, а тьма не всегда означает зло. Любое решение оставляет след, и за попытку разорвать предначертанное приходится платить.

Цепь — это не только связь между хранителем и человеком, но и долг, страх потери, любовь, ставшая оковами. Пепел — след того, что сгорело ради свободы.

Что останется, когда рухнут законы, на которых держался привычный мир? И можно ли обрести себя, не потеряв тех, кого любишь?

Содержание

ПРОЛОГ 5
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Молния и тишина 8
ГЛАВА ВТОРАЯ. Первое касание 14
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Тени на Воробьёвых горах 20
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. Августовский перелом 26
ГЛАВА ПЯТАЯ. Незнакомец 31
ГЛАВА ШЕСТАЯ. Тетрадь 41
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Кошмары 47
ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Частоты 53
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. Профессор 59
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. Гибель 65
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. Танцы на похоронах 73
Конец ознакомительного фрагмента. 78

Андрей Галдин
Цепь и пепел

ПРОЛОГ

У каждого мира есть граница. Люди привыкли представлять её линией: вот жизнь, а вот смерть; здесь свет, а за ним начинается тьма. Им легче верить в черту, которую можно провести на карте и никогда не пересекать.

Но границы не лежат неподвижно. Они дышат.

Я знаю это, потому что слышал их дыхание раньше, чем на Земле появился первый человек. Мир живых называл себя единственным, не подозревая о других. За его пределами простирался Анмур — Parallela Mundi, обитель бессмертных, где человеческий век казался мгновением. В самом его сердце, под надзором хранителя по имени Protector, был сокрыт Anime — мир душ, чьи двери не открывались без причины.

Существовало и ещё одно место. Хотя «место» — неверное слово. В нём не было ни расстояния, ни времени, ни даже темноты: темнота всё-таки предполагает, что где-то возможен свет. Там было отсутствие. Оно не просило, не угрожало, не испытывало голода так, как испытывают его живые. И всё же медленно тянулось к тому, что однажды появилось вместо него.

Сотни поколений граница выдерживала это прикосновение. Её держали законы, которые казались нерушимыми. Среди них был закон цепи: одна душа — один хранитель. Связь возникала от первого прикосновения и не исчезала по прихоти ни людей, ни ангелов.

Потом в Москве родилась девочка.

В обычном роддоме, в августовскую грозу, она нарушила то, чего ещё никто не смел нарушать. Два хранителя протянули к ней руки. Один навсегда запомнил тепло её кожи. Другой научился бояться собственного света.

Имя девочки было Екатерина.

Когда-нибудь ей предстояло узнать: цепь может удержать от падения, но ею же можно приковать к стене. И тот, кто клянётся защищать, не всегда готов услышать слово «нет».

Я не расскажу, чем всё закончится. Пока миры дышат, окончательного конца у этой истории нет. Но я помню её начало — звук первой цепи, лопнувшей в первые часы жизни ребёнка. И если память меня не обманывает, началось всё с дождя.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.
Молния и тишина

27 августа 1988 года. Москва. 14:20.

Гроза пришла со стороны Москвы-реки. Сначала ветер сдул пыль с тротуаров, затем небо потемнело так внезапно, будто кто-то опустил над городом тяжёлую крышку. Молния осветила мокрые стены роддома № 72 на улице Академика Павлова, и вслед за ней ударил гром.

На третьем этаже пахло хлоркой, лекарствами и влажной тканью. Лифт не работал: Аню подняли по лестнице на носилках и уже на третьем этаже переложили на каталку. Акушерка Наталья Сергеевна торопливо шла рядом, придерживая её за плечо.

— Не трясите её, — сердито сказала акушерка санитарке. — Потерпите, сейчас довезём.

Аня почти не слышала слов. Между схватками она смотрела на лампы, проплывавшие над головой, и считала их, чтобы не думать о страхе. Шесть. Семь. На восьмой она сбилась.

«Только бы девочка дышала», — повторила она про себя.

Откуда взялась эта мысль, Аня не знала. Беременность проходила тяжело, но врачи не говорили о беде. И всё-таки с самого утра в ней жило предчувствие — тихое, настойчивое,

как шаги за закрытой дверью.

Врач, Олег Владимирович, наклонился к ней, когда каталку подвезли к родильному столу.

— Аня, сейчас слушай только меня. На схватке будем работать. Между схватками отдыхай. Слышишь?

Она кивнула. Наталья Сергеевна поправила ей подушку и взяла за руку. Ладонь акушерки была сухой и тёплой. За это простое прикосновение Аня ухватилась крепче, чем за любые обещания.

За окном, в нескольких шагах от стены здания, стояли двое. Дождь проходил сквозь их силуэты, но не оставлял следов на одежде. Прохожие обходили пустое, как им казалось, место, сами не понимая почему.

Элиор смотрел на окна третьего этажа. Его светлые волосы лежали на плечах неподвижно, хотя ветер пригибал к земле кусты сирени. Рядом стоял Кайден — высокий, темноволосый, в чёрном. Он следил не за окнами, а за Элиором.

— *Fatavolentemducunt, nolentemtrahunt*, — негромко произнёс Элиор. — Судьба ведёт согласного и влечёт сопротивляющегося.

— Мне не нужны изречения, — ответил Кайден. — Мне нужен ответ. Зачем послали нас обоих?

— Я не знаю всего.

— Но знаешь больше меня.

Элиор выдержал его взгляд.

— Эта душа необычна.

— Для необычных душ закон не меняют. Один хранитель — одна жизнь. Ты сам учил меня этому.

— Я помню.

— Тогда почему мы здесь вдвоём?

Элиор хотел ответить, но в этот миг в палате раздался крик Ани. Он не был громче других человеческих криков, которые ангелы слышали веками. И всё же оба повернулись к окну так резко, словно их окликнули по именам.

Внутри Аня стиснула зубы. Боль накрыла снова, лишив её воздуха. Олег Владимирович говорил что-то коротко и уверенно. Наталья Сергеевна не отпускала её руки.

— Ещё немного, Аня. Ты почти справилась.

Она не думала о времени. Остались только голос акушерки, гул дождя и желание увидеть лицо девочки, которую она уже называла Катей, хотя ещё никому не сказала об этом.

Потом напряжение вдруг спало.

— Родилась, — произнёс врач.

Аня ждала следующего звука. Младенческого плача. Возмущённого первого вдоха. Вместо него услышала быстрые шаги и сухой стук металлического инструмента.

— Почему она молчит? — спросила Аня.

Олег Владимирович не ответил сразу. Девочка была неподвижна. Он передал её акушерке, и привычная размеренность персонала сменилась напряжённой слаженностью. Аня видела только белые рукава, склонившиеся головы и маленькую стопу, мелькнувшую между ними.

— Что с ней? — Её собственный голос показался чужим. — Покажите мне дочь.

— Сейчас, Аня, — сказала Наталья Сергеевна. — Пожалуйста, подожди.

За окном Кайден сделал шаг вперёд.

— Что-то не так.

Элиор не отрывал взгляда от палаты.

— Я чувствую её.

— Тогда почему она молчит?

Врач продолжал бороться за первый вдох ребёнка. Аня старалась прочитать ответ по его лицу и не могла. Гром ударил снова; стёкла дрогнули, но никто в палате не обернулся.

И вдруг Аня ощутила лёгкую прохладу на щеке. Будто приоткрыли окно, хотя оно оставалось запертым. Прохлада скользнула по волосам, едва коснулась губ и исчезла.

Девочка вздрогнула — и закричала.

Наталья Сергеевна выдохнула так резко, словно всё это время сама задерживала дыхание. Врач продолжил осмотр. Аня закрыла лицо ладонями и расплакалась.

— Живая, — повторяла она. — Живая…

Крик ребёнка проник сквозь стены и дождь. Элиор отступил на шаг. Кайден посмотрел на него, впервые не скрывая удивления.

— Ты слышал? — спросил Элиор.

— Весь роддом слышал.

— Нет. Она звала нас.

— Люди не слышат хранителей.

— А она услышала.

В палате акушерка осторожно положила девочку рядом с матерью. Аня погладила маленький тёплый висок. Крик затих; Катя приоткрыла глаза и, вопреки всему, повернула голову к окну.

Туда, где стояли двое.

Наталья Сергеевна перекрестилась, уверенная, что её никто не видит. Элиор заметил этот жест и почему-то не смог отвести взгляд.

Кайден же смотрел только на ребёнка.

— Если она видит нас, — медленно сказал он, — кто тогда родился в этой палате?

ГЛАВА ВТОРАЯ. Первое касание

В Анмуре существовал закон, которому подчинялись даже те, кто не признавал иных повелителей. *LexCatenae*— Закон цепи. Первая связь хранителя с душой устанавливалась прикосновением. Одно касание, одна цепь, один хранитель на всю человеческую жизнь.

Разорвать её мог лишь создатель, заплатив за разрыв частью собственной сущности. Так говорили записи в главной башне. Элиор помнил их наизусть. Кайден считал само обсуждение закона пустой тратой времени.

Теперь они стояли по разные стороны постели, на которой Анна держала новорождённую дочь.

— Кто первый? — спросил Кайден.

— Нас не посылали спорить за неё.

— Значит, тебя назначили заранее?

— Нет.

— Тогда отойди.

Элиор замолчал. Ни женщина, ни акушерка не замечали их. Анна поправляла сбившееся одеяло и тихо говорила ребёнку что-то ласковое. Катя беспокойно шевелилась, хмуря крошечный лоб.

Кайден приблизился. Он умел наблюдать за людьми с той холодной внимательностью, с какой изучают неизвестный язык. В этот раз ему не хотелось торопиться. Девочка смот-

рела в пустое пространство над плечом матери; её взгляд задержался на его лице.

— Она видит, — сказал он.

— Возможно, — ответил Элиор.

— Перестань говорить так, будто каждое слово может тебя выдать.

Кайден протянул руку, но остановился в нескольких сантиметрах от ребёнка. Он ожидал знакомого движения: беспомощная душа тянется к любому обещанию защиты. Однако Катя не выглядела беспомощной. Она нахмурилась сильнее, будто рассматривала его и пыталась что-то понять.

— Ты боишься? — тихо спросил Элиор.

— Я жду, — отозвался Кайден.

И тогда девочка подняла руку. Пальцы разжались навстречу его ладони.

Кайден коснулся её плеча.

Между ними натянулась серебряная нить. На мгновение она показалась тоньше волоса, потом вспыхнула, раздробилась на десятки звеньев и соединилась снова. Кайден почувствовал привычную тяжесть обязательства: теперь боль ребёнка отзовётся в нём, а опасность коснётся его раньше, чем коснётся её.

Но к привычному ощущению примешалось нечто новое. Тепло. Незначительное, почти смешное — как от чашки, которую держат замёрзшими пальцами.

— Вот и всё, — сказал он.

Элиор не ответил. Серебряная цепь мерцала неровно, словно по ней проходили две волны с разными ритмами.

— Кайден, посмотри на неё.

Девочка заплакала.

Плач становился сильнее, хотя мать тут же прижала её к груди. Анна покачала ребёнка, сменила положение, позвала акушерку. Ничего не помогало. Катя беспокойно двигала ручками; на миг её дыхание стало прерывистым.

Кайден потянулся к ней снова.

— Я не причинял ей вреда.

— Я знаю.

— Тогда почему она плачет?

Элиор вслушался. Не в звук — в то, что шло под ним. Каждый хранитель различал отголосок связанной души. Сейчас за плачем слышалось не отторжение, а зов, обращённый куда-то за пределы серебряной нити.

— Она просит о чём-то ещё, — произнёс он.

— Я дал ей защиту.

— Защита не всегда отвечает на то, о чём просят.

Кайден резко повернулся.

— Ты хочешь сказать, что я ей не подхожу?

— Я хочу сказать, что мы не понимаем происходящего.

Он сделал шаг к кровати. Кайден преградил дорогу.

— Первое прикосновение уже было. Закон вступил в силу.

— А девочке становится хуже.

Двое смотрели друг на друга. Их голоса были слишком тихими, чтобы люди могли их услышать, но между ними будто натянулся воздух. Элиор впервые за долгое время не знал, какое правило следует исполнить. Отступить — значило оставить ребёнка страдать. Коснуться — нарушить Закон цепи.

Катя закашлялась и снова закричала. Анна побледнела, прижимая её к плечу.

— Помогите ей! — позвала она.

Элиор не стал ждать.

Он протянул руку и коснулся ладони девочки.

Раздался звон. Едва слышный — не ушами, а тем местом внутри души, где хранители чувствуют заключённые ими обеты. Серебряная цепь между Катей и Кайденом дрогнула, вытянулась, будто сопротивляясь, и разорвалась.

Кайден отшатнулся. На его ладони проступил белёсый след ожога, а от пальцев потянулся тёмный дым.

— Нет, — произнёс он, глядя на собственную руку. — Этого не может быть.

У Элиора перехватило дыхание. Вместо серебра между ним и девочкой разгоралось золото. Связь была иной — тёплой, устойчивой, такой сильной, что на мгновение заглушила шум дождя.

Катя успокоилась. Сначала перестала кричать, затем разжала кулачки и уснула у матери на руках.

— Ты разорвал мою цепь, — сказал Кайден.

— Я пытался помочь ей.

— Ты знал, что произойдёт?

Элиор посмотрел на след у него на ладони.

— Нет.

Кайден молчал. Ему хотелось назвать случившееся предательством. Но перед глазами стояла поднятая навстречу ему детская рука. Девочка сама потянулась к нему — это он знал наверняка. А потом тот же ребёнок обрёл покой от чужого прикосновения.

— Ты скажешь Совету? — спросил он наконец.

— Придётся.

— И что скажешь? Что закон ошибался?

— Я скажу, что произошло.

— Ты никогда не говоришь всего, Элиор.

Элиор не возразил. Кайден заметил это и впервые понял: брат испугался не меньше его. Только страх Элиора прятался за спокойствием, которое все привыкли принимать за мудрость.

Кайден сделал шаг к окну. Снаружи по стеклу текла вода.

— Она не была твоей, — сказал он, не оборачиваясь. — И моей, похоже, тоже не была. Но почему-то за это заплатил один я.

Элиор поднял глаза на мирно спящую Катю. Золотая цепь почти не ощущалась, пока он не пытался отойти. Тогда она мягко натянулась, напоминая об обязательстве.

— *Amorvincitomnia*, — произнёс он скорее себе, чем бра-

ту. — Любовь побеждает всё.

Кайден усмехнулся без радости.

— Не путай любовь с правом решать за другого.

Он исчез из палаты, оставив после себя короткий порыв холода. Элиор не пошёл следом.

Анна поцеловала дочь в лоб и прошептала:

— Всё хорошо, Катенька. Я рядом.

Она не видела золотой нити. И не могла знать, что именно эти слова однажды окажутся важнее любой клятвы хранителя.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Тени на Воробьёвых горах

Весна 1991 года.

Первую зиму с Катей Аня вспоминала по запахам: кипячёное молоко, мокрые варежки, пыль от старых библиотечных книг. Она работала днём, вечером подрабатывала уборкой и научилась спать урывками. Денег едва хватало на продукты и помощь Зинаиды Петровны, соседки, согласившейся приглядывать за девочкой.

У Кати был странный дар — засыпать в самую неподходящую минуту и просыпаться, как только мать пыталась прилечь. Но сильнее Аню тревожило другое. Иногда девочка смотрела за её спину и улыбалась кому-то невидимому. Иногда вздрагивала среди тихой ночи, хотя в квартире ничего не происходило.

Однажды Аня проснулась от шороха в детской кроватке. Было чуть больше трёх. Уличный фонарь чертил на стене жёлтый прямоугольник. Катя сидела, держась за бортик, и смотрела в угол комнаты.

— С кем ты там разговариваешь? — сонно спросила Аня.

Катя подняла руку, словно указывала на человека, которого мать не видела. Потом засмеялась.

Аня подошла к кроватке. В углу было пусто; только штора

едва заметно колыхалась над батареей. Она подхватила дочь и прижала к себе.

— Ну уж нет, — сказала она. — До утра мы с тобой вдвоём. Никаких гостей.

Элиор стоял у стены и слушал её голос. Он мог разогнать тени, если они подступали к окнам, мог уловить опасность задолго до того, как её распознают люди. Но открыть Ане своё присутствие не имел права. Хранитель оставался невидимым, пока подопечный не позовёт его сознательно. Исключение, которое уже однажды произошло при рождении Кати, пугало его сильнее, чем он хотел признать.

Девочка подняла голову с плеча матери и посмотрела прямо на него. Элиор медленно коснулся пальцем губ, прося тишины. Катя повторила жест, не понимая его смысла. Аня решила, что дочь просто играет.

По воскресеньям, если хватало сил, они ездили на Воробьёвы горы. Там Ане было легче. Дороги оставались позади, между деревьями гулял ветер, а разговоры чужих людей сливались в ровный негромкий шум. Она брала с собой яблоко, иногда два, и устраивалась на знакомой скамейке.

На той же скамейке часто сидел профессор Андрей Владимирович Корнеев. Он носил потёртую сумку, в которой вперемешку лежали научные записи, газеты и хлеб для птиц. Они познакомились случайно, когда Катя выронила игрушку прямо ему под ноги. С тех пор здоровались, а со временем начали разговаривать.

В тот день Аня принесла сложенный вчетверо листок.

— Андрей Владимирович, я, наверное, спрошу глупость.

— Хорошие вопросы часто так начинаются, — отозвался он.

— Вы когда-нибудь слышали, чтобы маленькие дети говорили на другом языке?

Профессор поднял глаза от тетради.

— На каком именно?

— Не знаю. Похоже на латынь. Я записала, как сумела.

Она протянула листок. Несколько слогов были написаны неуверенно, с вопросительными знаками. Корнеев прочитал их один раз, потом ещё. Улыбка исчезла с его лица.

— Кто это произнёс?

— Катя. Дома. Вчера вечером. Возможно, просто похожие звуки.

— Возможно, — повторил он, не возвращая листка.

— Вы меня пугаете.

Он помедлил. Аня заметила, как пальцы профессора сжали край бумаги.

— Я не могу утверждать по такой записи, что это язык. Тем более древний. Но если она повторит слова, запишите снова. И расскажите мне.

— Зачем?

— Потому что иногда важна не сама фраза, а то, когда она звучит.

Аня хотела спросить, что он имеет в виду, однако Ка-

тя уже тянулась к дорожке. За деревьями промелькнула белая рубашка мальчика на велосипеде. Девочка пошла за ним неуверенными шагами, и мать поспешила следом.

У края аллеи Катя остановилась. Она смотрела между двумя стволами, туда, где солнечный свет ложился на молодую траву. Улыбнулась — так, будто узнала кого-то.

— Кому ты радуешься? — спросила Аня.

Девочка подняла голову, но промолчала. Аня взяла её на руки, села на скамью и, убедившись, что профессор отвернулся, негромко сказала в пустоту:

— Если ты правда есть рядом с ней… Пожалуйста, береги её. Я одна не справлюсь.

Ветер прошёл по листьям. Элиор стоял совсем близко и слышал каждое слово. Ему хотелось ответить, но он знал: Анна услышит только то, к чему пока не готова.

— Я здесь, — произнёс он всё равно.

Аня вздрогнула и оглянулась. Никого. Только Катя протянула ладонь туда, где стоял ангел, и весело засмеялась.

Тем вечером мать долго возилась у плиты. Катя сидела на полу с деревянными кубиками, складывала их друг на друга и с упорством разрушала башенки. С улицы тянуло сыростью. Аня обернулась, услышав непривычную тишину.

Дочь смотрела в знакомый угол.

— Свет, — сказала она отчётливо.

Аня опустилась рядом.

— Что ты сказала, Катюш?

— Свет.

Это было первое слово, которое Аня смогла уверенно отличить от лепета. Она поцеловала дочь в макушку и рассмеялась — сначала от удивления, потом от облегчения. В конце концов, думала она, все дети рано или поздно начинают говорить. Может быть, всё необычное вокруг Кати она придумывает от усталости.

Элиор не улыбнулся. Девочка не смотрела на лампу, и он это видел. Она смотрела на золотую нить, тонко мерцавшую между ними. Значит, свет цепи не был для неё тайной.

Далеко от московской квартиры, в комнате без окон, Кайден разложил на столе серебряные звенья. Он мог бы выбросить их в пустоту, сжечь или спрятать навсегда. Вместо этого возвращался к ним вновь и вновь.

Разорванная цепь не соединяла его с Катей. Однако стоило коснуться одного из звеньев, и он чувствовал слабый отзвук — словно кто-то постучал из соседней комнаты. Не просьбу, не угрозу. Живое присутствие.

Кайден взял самое маленькое звено между пальцами. Ожог на ладони давно затянулся, но рядом с металлом снова начинал болеть.

— *Vincitquisevincit*, — произнёс он. — Побеждает тот, кто сумел победить себя.

Он усмехнулся. Эта победа ему пока не давалась.

Он мог простить Элиору многое, кроме одного: брат принял загадку за ответ. Назвал золотую цепь любовью — и ре-

шил, что этого достаточно. Кайден же помнил, как девочка сначала протянула руку ему.

Неужели то первое движение ничего не значило?

Он сжал серебряное звено, пока оно не впилось в кожу.

— Когда-нибудь ты сама скажешь, чего хотела, — тихо произнёс он. — И тогда я выслушаю тебя. Даже если ответ мне не понравится.

Звено в его ладони на мгновение стало тёплым.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ.
Августовский перелом

Москва. 18 августа 1991 года.

К вечеру жара не спала. Во дворе пахло раскалённым асфальтом, яблочной кожурой и пылью, которую ветер гонял вдоль бордюра. Аня несла домой авоську с молоком, хлебом и двумя помидорами. У неё болела спина после смены в библиотеке, в кошельке оставалось немного денег, но сегодня всё это казалось мелочами: Катя научилась сама спускаться с последней ступеньки лестницы и теперь требовала, чтобы ей позволяли делать это снова и снова.

У подъезда мальчишки спорили о футболе. Из открытого окна доносилась песня. Обыкновенный вечер, один из тех, за которые Аня держалась обеими руками.

Потом она увидела мужчину.

Он стоял на противоположной стороне двора, возле старой трансформаторной будки. Длинный тёмный плащ казался нелепым в такую жару. Человек не двигался и не смотрел на Аню. Его взгляд был устремлён вверх — к окнам третьего этажа, за одним из которых спала Катя.

Аня остановилась. Ей вспомнилось лицо, когда-то склонявшееся над ней в полумраке комнаты: тёмно-медовые волосы, улыбка, зелёные глаза. Но у этого человека глаза были

другими. Светились слишком ровно, как стекло, за которым горела лампа.

Он перевёл взгляд на неё.

Ручки авоськи больно врезались в пальцы. Аня вдруг поняла, что различает стук собственного сердца, хотя во дворе продолжали кричать дети. Мужчина улыбнулся. Не приветливо и не угрожающе — так улыбаются, увидев вещь, которую давно искали.

— Вы кого-то ждёте? — спросила Аня.

Он слегка склонил голову. Ей на миг показалось, будто незнакомец ответил на её мысли. Она сделала шаг назад.

Вместо ответа мужчина поднял руку и приложил два пальца к губам.

Из открытого окна над подъездом раздался плач. Катин плач.

Аня бросилась к двери. Лишь на лестнице она заметила, что пакет с молоком порвался и по ступенькам тянется белая дорожка. Оглядываться она не стала.

Дверь открыла Зинаида Петровна. Лицо у неё было бледным.

— Катя проснулась. В одну минуту будто почувствовала что-то. Я её укачиваю, а она всё на окно показывает.

Девочка сидела на диване, прижав к груди потрёпанного зайца. Увидев мать, она вытянула руки. Аня подхватила её и почувствовала, как быстро бьётся маленькое сердце.

— Всё хорошо, солнышко. Я дома.

— Там, — сказала Катя и ткнула пальцем в стекло.

С улицы донёсся гудок автомобиля. На месте у трансформаторной будки никого не было.

— Вы видели человека в плаще? — спросила Аня.

Зинаида Петровна поправила на голове косынку.

— Не видела. Только в комнате холодно стало. Странно, при такой-то жаре.

Она перекрестила Катю; девочка не отстранилась, но продолжала смотреть в окно. Аня закрыла штору. Это было смешное, бесполезное движение, и всё же руки сами сделали то, что умели: прикрыли ребёнка от чужого взгляда.

Ночью Аня не спала. Дождалась, пока уснёт Катя, достала из шкафа четыре тетради в клетку и положила рядом с собой на кухонный стол. В них были сны, рисунки, странные слова дочери и подробности встречи с человеком, которого Аня однажды полюбила. Она много раз пыталась убедить себя, что всё это — следствие недосыпа. Но недосып не мог объяснить ожоги на её коже. И мужчину, стоявшего во дворе, он тоже не объяснял.

На первой странице последней тетради Аня написала: «Он нашёл нас».

А потом зачеркнула. Она не знала, был ли незнакомец тем, кого искала сама, или тем, от кого следовало бежать.

Зинаида Петровна сидела у Катиной кроватки и тихо перебирала чётки. Девочка спала беспокойно, то и дело вздрагивала.

— Вы сегодня не уходите? — спросила Аня.

— Не уйду, — ответила соседка. — А тебе бы лечь. На ногах не стоишь.

Аня благодарно кивнула, но вместо постели снова села за кухонный стол. К незнакомцу, тетрадям и тревоге прибавилось ещё одно чувство — очень простое, земное: если с ней что-нибудь случится, Катя останется без матери.

Она взяла лист из школьной тетради, аккуратно вырвала неровный край и написала: «Доченька, если ты когда-нибудь прочтёшь это письмо…»

На этих словах остановилась. Что сказать ребёнку, которому ещё нет трёх лет? Как объяснить, что самая большая любовь в её жизни связана с самым большим страхом? Что рядом с Катей будто бы кто-то находится, и что мать не знает, можно ли этому присутствию доверять?

Аня подняла голову. У окна стояла фигура, едва заметная сквозь полутьму. Не мужчина в плаще. Что-то светлое, неподвижное. В тот миг ей показалось, что существо смотрит не на неё, а на страницу.

— Если ты её хранишь, — прошептала она, — не бросай.

Штора не шевельнулась. Но в глубине комнаты золотистая искра исчезла так быстро, что Аня решила: от усталости померещилось.

Она продолжила письмо. Впервые за долгое время выбирала слова не для того, чтобы объяснить невозможное, а чтобы Катя когда-нибудь услышала её голос.

За окном Москва входила в августовскую ночь. И вместе с городом в ожидании застыло нечто, чему не было дела ни до границ государств, ни до человеческих правителей.

Утро принесло новости, от которых город сделался ещё тише. По радио зачитывали заявления, говорили о чрезвычайном положении, о людях, занявших власть. К полудню на улицах появились военные машины. Соседка с первого этажа плакала на лестнице: сын собирался идти к Белому дому, а она не знала, как его удержать.

Аня включила приёмник погромче, пока мыла посуду. В каждой паузе между голосами ей чудился слабый скрежет, будто кто-то водил металлическим кольцом по краю стеклянного стакана.

«Не путай одно с другим, — приказала она себе. — Люди боятся потому, что происходит страшное. Не нужно во всём видеть знаки».

Но когда она вышла за водой, в подъезде на мгновение стало темно, хотя лампа продолжала гореть. На стене возле почтовых ящиков вытянулась тень, слишком высокая для узкого коридора. Она скользнула вслед за проходившим мужчиной и исчезла у его плеча. Мужчина остановился, выругался на пустом месте и ударил кулаком по двери собственной квартиры.

Аня отступила.

ГЛАВА ПЯТАЯ. Незнакомец

Москва. Ноябрь 1987 года.

Позже Анна будет вспоминать не лицо незнакомца, а его руки. Они показались ей непривычно спокойными. Так держат книгу люди, уверенные, что знают её конец, хотя только открыли первую страницу.

В тот вечер она задержалась в библиотеке на Тверской. В хранилище лопнула труба отопления, пришлось переносить мокрые коробки; к закрытию пальцы болели, а от одежды пахло пылью и старой бумагой. Когда Аня вышла на улицу, начал идти мелкий снег.

На скамейке под фонарём сидел мужчина с книгой. Пальто у него было расстёгнуто, на плечи падали крупные хлопья снега. Он читал «Божественную комедию» Данте так увлечённо, будто не замечал холода.

— Вы ведь замёрзнете, — сказала Аня прежде, чем успела решить, стоит ли вообще разговаривать с незнакомым человеком.

Мужчина поднял взгляд. Глаза оказались зелёными, живыми, чуть насмешливыми.

— Я надеялся, вы спросите о книге.

— Почему?

— Потому что о погоде мы и без того знаем всё необходимое.

Она хотела уйти, но улыбнулась. Улыбка удивила её саму.

— Тогда спрашиваю. Как вы читаете Данте на улице в ноябре?

— Медленно. Некоторые места не хочется пропускать.

Он показал обложку, будто предъявлял пропуск.

— Я ищу ещё одну книгу. Марсилио Фичино. «*De vita coelitus comparanda*». У вас может быть?

Аня задумалась. Название она слышала в разговоре сотрудников, но не была уверена, что такой том числится в фонде.

— Приходите через три дня. Я проверю каталоги.

— А если не найдёте?

— Тогда придётся признать поражение.

— Не люблю, когда хорошие люди признают поражение слишком рано.

Он произнёс это негромко, и впервые за весь разговор в голосе прозвучала усталость, неуместная для его молодого лица.

Через три дня он действительно пришёл. Аня не нашла книгу, зато запомнила мужчину. Он появился перед закрытием, без перчаток, с той же спокойной улыбкой. Не спросил, почему она задержалась на работе, не стал смотреть через плечо в пустой зал.

— Книги нет, — сказала она. — Я проверила.

— Тогда вы сделали больше, чем обещали.

— Я обещала поискать. Не найти.

— Значит, теперь моя очередь. Позвольте пригласить вас на кофе.

Она почти отказалась. Не из осторожности даже — от привычки. Принимать приглашение человека, имени которого не знаешь, казалось нелепым. Но дома её ждала пустая квартира, а на улице ненадолго перестал идти снег. Аня согласилась, поставив одно условие: никакой философии во время ужина.

— Постараюсь, — серьёзно сказал он. — Хотя это труднее, чем кажется.

Они сидели в маленьком кафе до закрытия. Он говорил о старых городах, о музыке, о том, как человек привыкает к чудесам и перестаёт их замечать. Аня рассказывала о книгах, которые брала из библиотеки домой, о матери, давно умершей, и о детской мечте увидеть море зимой. Когда она смеялась, мужчина смотрел на неё с удивлением. Словно именно этой простой, незащищённой радости прежде не встречал.

— Как вас зовут? — спросила она наконец.

Он отвёл взгляд в окно, где редкие прохожие шли сквозь мокрый снег.

— Сегодня можно без имён?

— Нельзя же всю жизнь оставаться незнакомцем.

— Всю жизнь не получится, — ответил он. И Ане почудилось, что это обещание и прощание одновременно.

— Тогда хотя бы первую букву.

Он помедлил.

— Л. Пока только это.

— Загадочный вы человек, Л.

— Не всегда это достоинство.

Она могла встать и уйти. Могла решить, что странности перевешивают очарование. Вместо этого спросила:

— А завтра вы придёте?

— Если ты разрешишь.

Он произнёс «ты» впервые. И она разрешила.

В следующие недели встречи стали частью её жизни: две прогулки, вечер в кинотеатре, чай на кухне, когда за окном гудели трубы. Он знал неприлично много о старинных языках, но совершенно не умел пользоваться её настольным радиоприёмником. Аня смеялась, наблюдая, как он осторожно вращает ручку настройки, и впервые за долгое время не думала о том, как быстро кончаются деньги.

Однажды, в первых числах декабря, он прикоснулся к её запястью, и свет над кухонным столом словно отступил. Аня увидела перед собой пространство, усеянное звёздами, причём звёзды лежали не только над головой, но и у самых ног. Среди них стояли две фигуры. Одна в белом, другая в чёрном. Они смотрели на неё слишком пристально, словно знали о ней то, чего не знала она сама.

Аня отдёрнула руку. Кухня вернулась на место: чайник, клеёнка, трещинка на чашке.

— Что это было?

Мужчина побледнел. Не от испуга — от узнавания.

— Что ты увидела?

— Двоих. Как во сне. И они… ждали.

Он медленно поставил чашку.

— Я не хотел, чтобы ты это увидела.

— Значит, мне не показалось?

— Я не знаю, как объяснить тебе это так, чтобы не напугать.

Она смотрела на него. Все прежние вопросы — откуда он, почему не называет имени, почему не мёрзнет на улице — разом показались второстепенными.

— Попробуй правду, — сказала Аня.

Он подошёл к окну. Снег ложился на стекло, таял и стекал прозрачными дорожками.

— Я не такой, каким кажусь. Мне нельзя было встречаться с тобой.

— Но ты встретился.

— Да.

— Почему?

Он повернулся. В его лице появилась растерянность человека, который способен ответить на любой вопрос, кроме самого простого.

— Потому что рядом с тобой мне хочется остаться.

Они долго стояли друг напротив друга. Потом Аня сделала шаг первой. Её ладонь легла ему на грудь, и она почувствовала биение сердца — сильное и неровное. Оно успокоило её больше любых объяснений. Она приподнялась на

носки и поцеловала его. Люциан ответил не сразу, будто всё ещё пытался удержаться на той стороне черты, за которой им нельзя было быть вместе. Потом притянул её ближе. В ту ночь впервые за долгое время Анна перестала думать о завтрашнем дне.

Ночь. Кровать. Аня очнулась от ласки — его губы на её шее, его рука на её бедре. Что это, подумала она, и посмотрела ему прямо в глаза.

Внезапно ласки и поцелуи замерли. Они полулежали на кровати: он — в джинсах, а она лишь в нежнейшем комплекте нижнего белья.

— Сначала трусики, — чуть хрипло прошептал он и коснулся её бёдер. Белые, тугие, настоящие женские бёдра.

Он осторожно, боясь потревожить нежную материю, снял трусики с неё. Аня, приподнявшись, осторожно поцеловала его. Хотела было что-то сказать, но только улыбнулась.

— Ты стала ещё красивее. — Он смотрел в её зелёные глаза.

Они не торопились, потому что знали, что всецело принадлежат друг другу.

Внезапно он ощутил резкий прилив возбуждения. В его воспоминаниях сохранились картины её белоснежной, округлой груди.

Аня и сейчас манила его, скрытая за тонкой тканью. Этот полупрозрачный шёлк не скрывал её возбуждённых красивых розовых сосков.

Почувствовав его желание, она сама сняла бельё, и в этот момент их обоих била невероятная дрожь. Им двоим невероятно хотелось полной близости и в то же время хотелось насладиться предвкушением.

Он взял её прекрасную грудь в ладонь, ощущая её приятную упругость, и с наслаждением сжал её. Затем стал целовать её нежное тело, грудь и соски. Её дыхание стало прерывистым.

Она приподняла его голову, и они жадно слились в глубоком бесстыдном страстном поцелуе. Он не мог оторваться от её мягкой груди и всё ещё сжимал эту великолепную плоть.

— Ты воплощённая женственность, — тихо проговорил он.

Она взяла его ладонь и слегка прижала к своему лону. Он ощутил жар. Пальцы сами собой скользнули вниз, в сладостную влагу.

— Я не могу больше, — сказала Аня, расстегивая его джинсы. Он и не понял, как оказался полностью обнажён.

Она нежно и плотно обхватила его ладонью. Затем она нежно прикоснулась к его яичкам и бережно сжала их. Он был твёрдый, как камень.

— Ты действительно этого хочешь? — отрывисто спросил он.

— Я люблю тебя, — сказала Аня. — Я уже не могу больше ждать… Будь сверху.

Он послушно приблизился к её разведённым ногам. Её

тело безумно манило его. Он чувствовал, что хочет овладеть ею грубо, больно, страстно и непредсказуемо.

Однако она была так беззащитна, что ему хотелось целовать каждый её пальчик и владеть её телом до самого утра. Лежащая перед ним, Аня притянула его вновь к себе, целуя его в губы. Её рука нашла его, по-прежнему каменный, и направила его вглубь себя. Обилие смазки сделало своё дело, и он с лёгкостью скользнул в горячее истомлённое лоно. Они оба замерли, ощущая полное единение. Он заполнял её полностью. Аня с блаженным стоном закрыла глаза, её прекрасная грудь заколыхалась от страсти. Это подстегнуло его возбуждение, и он стал ритмично двигаться внутри неё. Стенки плотно обхватывали его, руками он сжимал столь желанные груди.

Они стонали и бессвязно шептали друг другу любовные слова. Они не знали, сколько это продолжалось. Рукой Аня ласкала себя, и он видел, как её накрывала мощная волна оргазма. Он не мог больше сдерживать себя, ему хотелось присоединиться к её экстазу. Он ускорил движения, напрягся до предела.

Следуя её примеру, он не сдерживал стоны.

Вдруг он почувствовал, как всё изливается в неё толчками, в её пульсирующее от оргазма лоно.

— …прости… не удержался… ты сводишь меня с ума, любовь моя, — покрывая её поцелуями, шептал он.

— …я очень счастлива, что встретила тебя, — закрыв гла-

за, сказала она.

И оба они улеглись в кровать под одеяло, где он прижал Аню к своему телу так сильно, что почувствовал все её упругие формы и прекрасный стон от ласки, и в ту же минуту она уснула на нём, как ангел.

Утром его не было.

На столе лежала записка. Почерк был удивительно аккуратным, как на старинной открытке:

«Прости. Я не должен был приходить. Но о том, что встретил тебя, не жалею. Береги то, что осталось между нами. Возможно, это единственное настоящее, что у меня было. — Л.»

Аня перечитала её трижды. Потом долго сидела у окна, уговаривая себя, что всему найдётся простое объяснение: испугался близости, женат, уехал. Каждая догадка звучала убедительнее, чем видение двух незнакомцев среди звёзд.

Примерно через месяц она поняла, что ждёт ребёнка.

✦ ✦ ✦

19 августа 1991 года. До рассвета.

Аня достала записку из коробки с письмами и положила перед собой. Бумага пожелтела по сгибу. Буква «Л.» осталась такой же чёткой, как в то декабрьское утро.

Она провела по ней подушечкой пальца.

— Кто ты? — спросила пустую кухню. — И почему мне до сих пор кажется, что ты где-то рядом?

За окном прошёл слабый порыв ветра. Ни ответа, ни знака.

В двух шагах от Анны, невидимый для неё, Элиор смотрел на записку. Теперь он знал имя, скрытое за первой буквой. Люциан. Изгнанник, о котором в Анмуре давно предпочитали молчать.

Элиор мог бы рассказать женщине правду. Мог бы сказать, что её дочь родилась на границе двух природ и что именно поэтому к ней тянутся чужие силы. Вместо этого он остался неподвижен. Его долгом было хранить Катю, а не разрушать жизнь Анны знанием, которое она не выбирала.

Но впервые Элиор не был уверен, где кончается милосердие и начинается удобное молчание.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. Тетрадь

Анна никогда не собиралась вести дневник. В школе она не любила сочинений о чувствах: казалось, стоит подобрать красивые слова, и настоящее исчезнет.

Первая запись появилась на обрывке карточки из библиотечного каталога — вечером после странного прикосновения незнакомца.

«Начало декабря 1987. Я видела звёзды под ногами. Не знаю, откуда это взялось. Были двое: светлый и тёмный. Они смотрели прямо на меня. Это был не сон, потому что я не спала».

Спустя несколько месяцев Аня купила обычную тетрадь в клетку и переписала туда эти слова. Следом добавила дату первого осмотра в женской консультации, свои страхи, короткую фразу о том, что ребёнок иногда шевелится, когда она слышит во сне незнакомый голос.

После рождения Кати Аня писала ночами, когда стихали соседские шаги. Вместо чувств теперь записывала наблюдения: время плача, странные слова, следы на коже.

«Ночь на 14 марта 1989 года. В два часа семнадцать минут Катя открыла глаза и стала смотреть на дверь. Я взяла её на руки, а сама увидела на стене вторую тень. Лампа одна. Тень была выше меня. Когда Катя затихла, тень исчезла».

Ниже она нарисовала дверной косяк, кровать и вытяну-

тый силуэт. Несколько раз обвела место, где у существа должны были быть руки.

Зинаида Петровна как-то увидела раскрытую тетрадь на столе.

— Это что у тебя, Анечка, учёт расходов?

— Почти, — ответила Аня и закрыла её. — Только у меня всё время не сходится.

Соседка не стала расспрашивать. Она знала цену чужой тревоге и умела уважать молчание.

К весне 1991-го тетрадей накопилось четыре. Первая хранила историю незнакомца, вторая — месяцы после роддома, третья — ночные страхи, четвёртая — короткие записи о том, что говорила Катя, и о встречах с профессором Корнеевым на Воробьёвых горах.

Профессор Корнеев просил уточнять даты и обстоятельства. Неизвестное явление, говорил он, следует изучать, а не торопиться объяснять.

— Я и так всё записываю, — призналась Аня.

— Хорошо. Только отделяйте увиденное от догадок. Это труднее, чем кажется.

Он не попросил показать записи, и она была ему благодарна. Тетради оставались единственным местом, где она могла признаться: иногда ей страшно брать дочь на руки, потому что в этот миг кажется, будто кто-то невидимый прижимается к ним третьим.

И всё же было то, о чём Аня не написала. Она привыкла

чувствовать возле Кати присутствие — не грозное и не тёплое, а настойчивое, словно человек сторожит дверь и не позволяет никому войти. Аня называла его про себя «светлым». Убеждала себя, что он защищает ребёнка. Но затем вспоминала две фигуры в поле звёзд и думала: кто решил, что право защищать принадлежит именно одному из них?

В августе она открыла последнюю тетрадь на пустой странице. Ночь была душной, из соседней комнаты доносилось дыхание спящей дочери. На столе рядом лежали записка с буквой «Л.» и недописанное письмо Кате.

Аня добавила новый рисунок. Три короткие линии: одна золотистая, вторая серая, третья — едва видимая между ними. Цветные карандаши остались от чьего-то подарка Кате. Откуда в рисунке возникла третья линия, Аня не понимала. Она просто нарисовала то, что увидела на мгновение, закрыв глаза.

Под рисунком появилась запись:

«Они говорят о защите. Но никто не спросил, чего захочет Катя. Может быть, когда она вырастет, ей придётся отвечать за то, что выбрали ещё до неё. Если я не смогу быть рядом, пусть хотя бы знает: любить — не значит владеть».

Слова показались Ане слишком взрослыми для детского письма. Она оставила их в тетради.

В прихожей тихо скрипнула половица.

Аня подняла голову. Зинаида Петровна должна была спать в соседней комнате, Катя — в кроватке. Скрип повто-

рился, на этот раз ближе к кухне. Она погасила верхний свет и, не зная зачем, положила ладонь на тетради, словно могла удержать их на месте.

В проёме никого не было.

Только запах: сырой камень, холодная пыль и что-то похожее на запах грозы ещё до первого грома.

Когда Аня включила свет, на краю последней страницы проступило влажное пятно. Бумага не была мокрой. Но слова над ним расплылись — только одна строчка, та, в которой говорилось о праве Кати выбирать.

Аня раскрыла тетрадь шире, дала странице высохнуть и переписала фразу рядом, крупнее прежнего.

Потом сложила все четыре тетради в матерчатый мешок и убрала на верхнюю полку платяного шкафа. Она не знала, кому они однажды понадобятся. Знала лишь, что теперь обязана их сохранить.

За стеной Катя во сне позвала:

— Мама.

Аня подошла к кроватке и долго сидела рядом. На этот раз ей не хотелось ничего объяснять. Она просто слушала, как дышит дочь.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Кошмары

19 августа 1991 года. Утро.

В тетради Ани была страница, к которой она почти никогда не возвращалась. Бумага на ней помялась, словно её однажды сжали мокрой ладонью. Сверху стояла дата: 6 мая 1991 года.

Тогда Катя проснулась с криком ещё до рассвета.

Аня бросилась к кроватке и увидела, что девочка смотрит поверх её плеча. На обоях, где обычно лежала тень шкафа, расползалось другое пятно — тёмное и слишком подвижное. Оно тянулось к ребёнку длинными отростками, будто искало, за что ухватиться. Аня заслонила Катю собой. В тот же миг пятно исчезло, но кожу на предплечье обожгло холодом.

Утром остался след: три бледные полосы, параллельные, как от верёвок. Прикосновение к ним не причиняло боли. Страшнее было другое — Аня помнила, что видела эти полосы ещё до того, как проснулась.

В тот день она впервые рассказала профессору почти всё.

Андрей Владимирович Корнеев сидел на Воробьёвых горах, на их привычной скамейке. Ветер переворачивал страницы его записной книжки. Увидев Аню, он убрал карандаш за ухо.

— Вы выглядите так, будто не спали неделю.

— Почти не спала. Можно с вами поговорить? Только по-

обещайте не смеяться.

— Я редко смеюсь над тем, что людям страшно.

Катя возилась рядом с игрушечным зайцем. Профессор поставил сумку у ног и стал слушать.

Аня рассказала о снах, в которых за ней тянулись длиннопалые существа. О холоде, оставшемся на коже. О совпадениях между плачем дочери и собственными пробуждениями. О том, как однажды проснулась и увидела у кровати силуэт, а в тот же момент Катя протянула к нему руки — не испуганно, а с любопытством.

Он не перебивал. Лишь однажды попросил показать след на предплечье. Рассмотрел три полосы, сняв очки и снова надев их.

— Вы обращались к врачу?

— Обращалась. Мне сказали, что это раздражение. Может, действительно раздражение. Но от чего?

— Я не знаю, — ответил Корнеев.

Аня ждала других слов. Что она устала, что всё ей приснилось, что нужно больше отдыхать. Но профессор спросил:

— В котором часу девочка обычно начинает плакать?

— По-разному. Чаще после двух.

— И каждый раз вы помните сон?

— Почти каждый.

Он записал что-то в блокнот. Затем замолчал так надолго, что Аня подумала: разговор окончен.

— Я занимался явлениями, которые на первый взгляд не

связаны с обычными законами природы, — сказал он наконец. — Приборы иногда улавливают колебания, происхождение которых мы не понимаем. Мне не нравится делать из этого выводы раньше времени.

— Вы хотите сказать, что Катя… излучает какие-то волны?

— Я хочу сказать, что прежде, чем произносить такие слова, нужно убедиться. И что ваши наблюдения могут оказаться важнее моих приборов.

— А пока я должна просто ждать, пока её заберут?

Профессор вздрогнул.

— Кто её заберёт?

Аня посмотрела в сторону детской дорожки. Катя, присев на корточки, внимательно следила за жуком на краю камня.

— Я не знаю. Потому и пришла к вам.

Корнеев долго смотрел на девочку. Аня заметила, что он не торопится с утешением. Это вызывало злость, но вместе с тем внушало доверие.

— Я не могу обещать вам защиту, — сказал он. — Я даже не могу объяснить то, что происходит. Но попробуйте замечать, что помогает ей успокоиться. Ваш голос? Свет? Присутствие других людей? Иногда важен не источник опасности, а то, почему она отступает.

— Когда я держу Катю на руках, ей лучше.

— Значит, начните с этого. И не оставайтесь одна, если ночи становятся тяжёлыми.

С тех пор Зинаида Петровна стала чаще оставаться у них по ночам — не как чудесная спасительница, а как человек, готовый посидеть рядом с измученной тревогой матерью. Она приносила домашний хлеб, проверяла, заперта ли дверь, и иногда пела Кате старую молитву. Аня не знала, действуют ли слова. Но голос соседки был ровным, руки — уверенными, а сама девочка под него засыпала быстрее.

В одну из таких ночей Аня проснулась от тишины. Катя спала; на стене не было чужих теней. Зинаида Петровна дремала в кресле, сжимая в ладони маленькую иконку.

У кроватки стоял Элиор.

Аня не увидела его — лишь слабое золотое мерцание в отражении оконного стекла. Ангел внимательно смотрел на ребёнка. Его рука почти касалась края одеяла, и он снова и снова удерживал её в воздухе. Он чувствовал тонкую дрожь золотой цепи, которая реагировала на чужое присутствие.

— Вы уже не одни, — прошептал он, хотя люди не могли его услышать.

Снаружи, внизу, стоял Кайден. От его плеча к окну тянулась холодная темнота, но он не переступал невидимую границу. Серебряного права входить у него больше не было.

— Тебе нельзя сюда, — сказал Элиор, не оборачиваясь.

— Я знаю закон, — ответил Кайден. — Ты сам напомнил мне, как мало он значит.

— Я защищаю её.

— А я пришёл узнать, чего она боится.

Элиор впервые повернулся к брату.

— Не приближайся.

— Вот и весь твой ответ, — сказал Кайден. — Запретить. Закрыть. Решить за неё.

Золотая цепь дрогнула. На секунду оба услышали короткий, едва различимый звук — будто ребёнок во сне произнёс слово, которого ещё не знал.

Кайден поднял голову. Элиор не отступил.

* * *

Аня перечитывала майскую запись на кухне, когда за окном заговорили о чрезвычайном положении. Радио перебивало передачи короткими сообщениями. В коридоре хлопнула дверь: кто-то из соседей торопливо уходил на улицу.

Она закрыла тетрадь и посмотрела на Катю. Девочка сидела под столом с игрушечным зайцем, тихо что-то напевая. Казалось, ей нет дела до взрослых страхов. Но вдруг Катя перестала петь и повернула голову в сторону прихожей.

— Мама, — сказала она, — не ходи.

Аня замерла. Дочь прежде произносила отдельные слова, иногда складывала короткие фразы, но сейчас голос её прозвучал слишком ясно и уверенно.

— Куда не ходить, Катюш?

Девочка показала на дверь.

На лестничной площадке послышались шаги. Медленные, тяжёлые. Шаги человека, который не сомневается, что ему откроют.

Аня осторожно поднялась. Положила тетрадь в шкаф, проверила, закрыт ли замок, и вернулась к дочери.

— Не бойся, — сказала она. — Я пока здесь.

Слово «пока» прозвучало само. И от него Ане стало страшнее, чем от шагов за дверью.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Частоты

Июль 1988 года. Москва.

В подвале старого дома было душно даже ночью. Тёплая вода капала с трубы над дверью, пахло пылью, медью и нагретой изоляцией. Арсений сидел перед осциллографом и смотрел на зелёную линию, которая уже четвёртый час упрямо повторяла один и тот же рисунок.

На столе лежала отцовская тетрадь. Сто четырнадцать страниц, заполненных тесным почерком: расчёты на полях, схемы без подписей, странные замечания среди формул. Отец умел объяснять сложные вещи простыми словами, но в последние годы писал так, словно боялся, что записи попадут в чужие руки.

«Граница не отделяет одно пространство от другого, — прочёл Арсений в который раз. — Она реагирует на обе стороны. Вопрос не в том, как пройти сквозь неё. Вопрос в том, почему она до сих пор выдерживает давление».

Арсений отодвинул тетрадь и потер лицо ладонями. Последние три года он возвращался к этой фразе почти ежедневно. Если бы отец был рядом, они наверняка спорили бы до утра. Но спросить было не у кого. Отец исчез, оставив только бумаги и несколько приборов, которые не значились ни в одном институтском каталоге.

Вначале Арсений пытался повторить его опыты, как при-

лежный ученик. Наматывал медную проволоку на сердечники, менял кварцевые пластинки, проверял заземление. Оборудование честно показывало помехи от электросети, проезжавших трамваев и соседского холодильника. Никакой другой реальности на экране не возникало.

Потом он перестал искать чудо. Начал искать закономерность.

Колебания, которые отец называл дыханием границы, появлялись двенадцать раз за сутки. Не строго по часам, но достаточно регулярно, чтобы ошибку нельзя было списать на случайность. К ночи рисунок становился глубже, к утру — резче. На рассвете и закате прибор иногда начинал тихо звенеть, хотя ни один его узел не должен был издавать звука.

Арсений вёл журнал наблюдений: дата, время, погода, напряжение сети, показания катушки. В отдельной графе — ощущения. Эту последнюю он никому не показывал.

«В 04:17 ощущение чужого присутствия. В комнате никого».

«В 19:42 внезапно вспомнил голос матери. Связь с показаниями не установлена».

«В 23:06 показалось, что за дверью кто-то медленно дышит».

Он ненавидел подобные записи. Они делали его похожим не на физика, а на человека, который слишком долго жил один. И всё-таки не вычёркивал их: отец учил записывать наблюдения, даже когда они выглядят нелепо.

В ту июльскую ночь привычный ритм оборвался.

Зелёная линия на экране поднялась, застыла и стала пульсировать с такой ровной настойчивостью, будто прибор подключили к чужому сердцу. Арсений проверил провода. Отключил питание. Стрелка маленького переносного резонатора продолжала двигаться, пока не ударилась о край шкалы.

— Нет, — выдохнул он. — Так не бывает.

В кварце что-то тихо щёлкнуло. На поверхности появилась тонкая трещина. Воздух между медными пластинами вдруг похолодел, а в ушах возник слабый звук — не звон и не свист, а голос без слов, настойчивый и живой.

Арсений схватил карандаш, пока ощущение не исчезло. Нарисовал новый рисунок сигнала поверх старого. Ритм был не похож на двенадцать циклов мембраны. Он не прекращался. Не совпадал ни с рассветом, ни с полуночью.

Это звучал кто-то один.

* * *

Через месяц, вскоре после рождения Кати, к нему пришёл Элиор.

Он появился у рабочего стола так тихо, что Арсений заметил гостя лишь тогда, когда тень от лампы перестала падать в привычную сторону. Светловолосый незнакомец изучал расколотый кварц, лежавший на блюдце.

— Ты услышал её раньше остальных, — сказал он.

Арсений не вскочил и не закричал. Страх запоздал, уступив место другому чувству — злому облегчению. Значит, он

всё-таки не сошёл с ума.

— Кого «её»?

— Девочку. Она родилась двадцать седьмого августа.

— Вы врач?

— Нет.

— Тогда откуда вы знаете о моём приборе?

Незнакомец посмотрел на тетрадь.

— Я знал человека, которому она принадлежала.

Арсений ощутил, как по спине прошёл холод.

— Где мой отец?

— Сейчас я не могу ответить так, чтобы ты мне поверил.

— Попробуйте.

— Он искал границу. Ты повторяешь его путь и подходишь к той же двери.

— Это не ответ.

— Знаю.

Они долго смотрели друг на друга. Арсений первым отвёл глаза: не потому что сдался, а потому что боялся упустить момент, когда собеседник снова растворится в воздухе.

— Девочка связана с тем, что я измерил?

— Да. Но она не прибор и не источник энергии, — сказал Элиор. — Она ребёнок. Запомни это прежде всего.

Арсений откинулся на стуле.

— Вы пришли просить меня её защищать?

— Я пришёл просить тебя слушать. Когда-нибудь обычных средств защиты может оказаться недостаточно.

— И что мне слушать?

— Разницу между тем, как звучит граница, и тем, как звучит она.

Элиор протянул ладонь над расколотым кварцем. Тот на мгновение засветился изнутри, и прибор выдал чистую, необычайно долгую ноту.

— Пока её слышно, — тихо произнёс ангел, — у миров остаётся шанс удержаться друг от друга.

— А если нота оборвётся?

Элиор посмотрел на затухающую линию прибора, прежде чем заговорить.

— Тогда в эту тишину кто-нибудь обязательно войдёт.

Когда он исчез, Арсений ещё долго сидел в подвале. Потом открыл журнал и записал: «27 августа 1988 года. Рождение девочки совпало с устойчивым сигналом неизвестного происхождения. Гипотеза: отдельная живая частота. Требуется проверить. Вмешательство недопустимо».

Последние два слова он подчеркнул дважды. Он надеялся, что никогда не придётся выбирать между ними и желанием разгадать тайну отца.

* * *

Август 1991 года.

Накануне путча Арсений снова услышал ту самую ноту. Только теперь внутри ровного звучания появилась вторая линия — низкая, почти незаметная. Она будто пыталась подстроиться под первую, а потом погасить её.

Арсений проверил приборы и впервые за долгое время записал не формулу, а предупреждение: «Кто-то ищет ребёнка».

Он ещё не знал, что уже на следующее утро девочка попросит мать не выходить из дома.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. Профессор

Андрей Владимирович Корнеев не любил слова «тайна». Оно слишком легко позволяло отказаться от объяснений. Отец говорил: если явление кажется невероятным, сначала проверь прибор, затем собственные глаза, а уже потом делай выводы о мире.

Отца звали Владимир Корнеев. Для его коллег он был доцентом физического факультета, человеком умным и неудобным; для Андрея — тем, кто чинил дома лампы, подолгу молчал над бумагами и никогда не обещал того, чего не мог выполнить.

Андрей родился в 1952 году. Мать преподавала литературу и любила древние языки; от неё он запомнил первые латинские изречения. Отец предпочитал уравнения словам. Между ними сын выучился задавать вопросы, на которые каждый отвечал по-своему.

В 1974 году Владимир Корнеев не вернулся домой.

Утром он ушёл на работу, взяв портфель с металлической застёжкой. К вечеру чай остыл, потом часы пробили полночь, а на следующий день милиция начала расспрашивать коллег. Отец словно растворился между домом и институтом. Андрею тогда было двадцать два.

В ящике письменного стола осталась потрёпанная тетрадь. Андрей нашёл в ней схемы катушек, обрывки латин-

ских фраз и слова, обведённые несколько раз: «мембрана», «отклик», «порог». На одной странице была всего одна строка: «Не путать отсутствие сигнала с отсутствием наблюдателя».

Он прочёл её десятки раз и так и не понял, почему отец подчеркнул последнее слово.

Прошли годы. Андрей защитил диссертацию, стал преподавать, обзавёлся привычкой носить в кармане короткий карандаш. При всей внешней обычности он продолжал по ночам работать с отцовскими записями. В 1986 году собрал в заброшенном подвальном помещении университета установку из медных пластин, кварцевого резонатора и осциллографа.

Три месяца ничего не происходило.

В ноябре, когда мокрый снег облепил решётки подвальных окон, на экране появился сигнал. Сначала один короткий толчок, затем второй. Андрей проверил питание, переставил электроды и убедился, что помеха не исчезает. Он поднёс руку к промежутку между пластинами — и почувствовал холод, который невозможно было объяснить температурой воздуха.

Внутри установки возникло пятно темнее окружающей темноты. Оно дрогнуло и поползло к его пальцам. Кожа на запястье побелела. Профессор отдёрнул руку, но онемение не прошло.

— Что за…

«*Nontangas*».

Слова прозвучали не в подвале, а у него в голове. Не прикасайся.

На мгновение между пластинами возникло светлое очертание ладони. Тёмное пятно словно отступило от неё. Затем лампа мигнула; в комнате снова остались только приборы, водяные разводы на стенах и человек, который вдруг перестал доверять собственному одиночеству.

Андрей долго стоял неподвижно. Затем выключил установку и вывел в журнале: «Зафиксирован сигнал неизвестной природы. Возможен внешний отклик. Контакт вызвал устойчивое онемение левой руки. Повторять без защиты запрещено».

Это было единственное разумное, что он сумел написать.

* * *

Через неделю у его дверей стоял человек с необычайно светлыми волосами. На улице было морозно; гость пришёл без шапки, будто погода не касалась его.

— Андрей Владимирович? — спросил он.

— Да. А вы?

— Элиор.

— По какому вопросу?

— Ты услышал предупреждение. Но не закрыл дверь.

Андрей почувствовал, как начинает неметь левая ладонь.

— Это вы были в подвале?

— Я остановил то, к чему ты потянулся.

Профессор отступил, пропуская гостя. В комнате пахло крепким чаем, книгами и влажной шерстью пальто, оставленного на вешалке.

— Если вы знаете, где мой отец…

— Я знаю, что он искал, — ответил Элиор.

— А где он сейчас?

— По другую сторону. Это ещё не значит, что его больше нет.

Андрей ухватился за эту оговорку.

— Значит, его можно вернуть?

— Я не обещал этого.

— Тогда зачем пришли?

Элиор взглянул на тетрадь, открытую возле чашки.

— Ты умеешь слушать, но ещё не умеешь останавливаться. Твой отец тоже считал, что всякую дверь нужно открыть, если найдена ручка.

— Он исчез, потому что вы его не остановили?

Гость ответил не сразу.

— Я не успел.

Андрей впервые заметил в его голосе нечто человеческое — горечь, которую тот тщательно скрывал.

Они не стали друзьями. Сотрудничество началось с недоверия и с него же продолжалось. Элиор иногда появлялся в лаборатории, предлагал прислушаться к слабым колебаниям, учил различать устойчивый сигнал и отклик на человеческий страх. Почти никогда не отвечал на прямые вопро-

сы об Анмуре и неизменно уходил, когда Андрей пытался узнать, кто устанавливает законы между мирами.

За несколько лет профессор понял одно: граница похожа на мембрану, которую можно заставить дрожать, но нельзя считать неодушевлённой стеной. Его «глушилка» позволяла ослаблять отдельные сигналы, хотя он не был уверен, что вместе с ними не глушит и что-то нужное.

В марте 1988 года Элиор появился в лаборатории раньше обычного.

— Скоро родится ребёнок, — сказал он. — Девочка.

— Дети рождаются ежедневно.

— Эта услышит то, что тебе удаётся различить только прибором.

Профессор поднял взгляд.

— Вы хотите, чтобы я исследовал её?

— Я хочу, чтобы ты помог её матери. У матери не будет причин доверять нам. И, возможно, это к лучшему.

— Кто отец ребёнка?

Элиор долго смотрел на потемневший экран осциллографа.

— Тот, кому не позволено было становиться отцом.

— Почему вы говорите загадками? Если женщине угрожает опасность, скажите прямо.

— Иногда предупреждение само приводит опасность к двери.

Андрей встал из-за стола.

— Тогда поймите и вы: я не буду ставить опыты на ребёнке. Ни ради науки, ни по вашей просьбе.

— И не нужно, — ответил Элиор. — Просто будь рядом, когда она попросит о помощи.

* * *

Август 1991 года. Аня снова пришла к профессору на Воробьёвых горах. Она была измождена бессонницей и боялась не за себя. Корнеев вновь услышал в её рассказе то, о чём молчал Элиор: ночной холод, следы на коже, ощущение чужого присутствия возле ребёнка.

Он пообещал Ане не ответы, а внимание. И в тот вечер впервые усомнился, было ли этого достаточно.

Вернувшись в лабораторию, профессор обнаружил, что на выключенном осциллографе возник один-единственный импульс. Он был слишком слаб для измерения и слишком знаком, чтобы его проигнорировать.

Андрей положил ладонь на стол и тихо спросил пустую комнату:

— Что вы от неё скрываете?

В пустой лаборатории едва слышно щёлкнул остывающий прибор. Профессор понял, что этот звук нельзя считать ответом.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. Гибель

19 августа 1991 года. Москва.

Когда по радио объявили о чрезвычайном положении, Аня сначала подумала о молоке. В холодильнике осталось полпакета, а Катя с утра почти ничего не ела. Затем вспомнила о Зинаиде Петровне, которая обещала прийти, и о странных словах дочери: «Мама, не ходи».

Но на работу идти пришлось. Деньги за подмену на складе обещали выдать наличными. Аня долго стояла у двери, застёгивая сумку и не решаясь повернуть ключ.

— Я быстро, — сказала она Кате. — С бабушкой Зиной побудешь. Вечером принесу что-нибудь вкусное.

Дочка обхватила её колено. Обычно она тут же отпускала, увлечённая игрушками, но сегодня держалась крепко. Аня присела и обняла её.

— Я вернусь.

Она не знала, почему произнесла это как клятву.

К середине дня в городе было шумно и тревожно. Люди передавали друг другу слухи; кто-то сердито спорил возле газетного киоска, кто-то просто стоял, прислушиваясь к далёкому гулу машин. Аня попыталась работать, но ловила себя на том, что каждую минуту смотрит на дверь склада. Наконец она попросила выдать заработанное за полдня и ушла раньше.

В сумке рядом с кошельком лежало письмо Кате. Аня не вынула его из бокового кармана с той ночи, когда впервые призналась себе, что может не успеть сказать дочери самое главное.

Домой она шла быстро, выбирая знакомые дворы. У входа в узкий переулок остановилась: среди обычных звуков внезапно появилась тишина. Не спокойная, а натянутая, как перед ударом. Даже голоса людей за её спиной словно удалились.

На противоположной стене дрогнула тень. Ещё одна скользнула по оконной раме, вопреки свету. Из прохода между домами выскользнуло существо с длинными, неестественно тонкими руками. Оно пригнулось к земле и вытянуло голову в сторону Ани.

Она уже видела такие силуэты во сне. Но во сне всегда оставалась возможность проснуться.

Аня попятилась. За спиной послышался треск: из асфальтовой щели будто поднялся холодный дым. Существо не нападало. Оно загоняло её туда, откуда не было выхода.

— Не подходи, — сказала Аня. Голос предательски дрожал.

В глубине переулка появился мужчина в тёмном плаще.

Он шёл неторопливо, не обращая внимания на существ, которые сторонились его. Лицо было почти скрыто воротником, но Аня увидела глаза — зелёные, яркие, слишком знакомые. Такие глаза были у человека, оставившего ей записку

с одной подписью: «Л.».

— Люциан? — едва слышно произнесла она.

Мужчина остановился. В его взгляде мелькнуло что-то похожее на удовольствие.

— Тебе хотелось бы, чтобы я был им?

От этих слов ей стало страшнее, чем от теней.

— Кто вы?

— Ты столько ночей смотрела на меня из своих снов. Неужели не узнаёшь?

Он приблизился, и Аня увидела: сходство было не полным. У Люциана в глазах иногда возникало тепло. Здесь ничего не отражалось. Лишь зелёный свет, как в глубокой воде подо льдом.

— Вам нужна я?

— Мне нужна дверь. А ты слишком долго стоишь перед ней.

— Я не понимаю.

— Зато понимает девочка. Её оставили под охраной, но любая охрана однажды допускает ошибку.

Аня почувствовала, как в груди поднялся ледяной ужас. Незнакомец назвал Катю не по имени, и от этого стало ещё хуже: он знал о ней гораздо больше, чем мог сказать.

— К моей дочери вы не подойдёте.

Мужчина улыбнулся.

— Ты уже решила, кому она принадлежит?

— Она никому не принадлежит.

— Даже тебе?

— Даже мне.

Слова дались с трудом. Аня вспомнила последнюю страницу тетради: «Любить — не значит владеть». Неужели она написала это, чтобы однажды произнести вслух?

Тени шевельнулись. Из воздуха над переулком донёсся низкий, нечеловеческий звук, похожий на чей-то смех, но мужчина не обернулся.

— Мне не нужен твой страх, — сказал он. — Мне нужно, чтобы ты позвала её. Всего один раз. Она услышит мать сквозь любую границу.

Аня поняла. Во сне она звала дочь, и та отвечала плачем. Их связь была сильнее расстояния. Если она сейчас произнесёт имя так, как просит незнакомец, Катя, возможно, услышит.

— Нет.

— Тебе трудно представить, как мало значит один человеческий отказ.

— Тогда почему вы так хотите, чтобы я позвала её сама?

На миг его улыбка исчезла.

* * *

Элиор почувствовал угрозу через золотую цепь. Он стоял возле Кати, когда та внезапно выронила игрушечного зайца и посмотрела в окно. Цепь натянулась так резко, что ангелу показалось: кто-то потянул её с другого конца.

— Мама, — сказала девочка.

Зинаида Петровна подняла зайца, не заметив, как похолодело в комнате.

Элиор последовал за дрожью цепи — сквозь расстояние, которое для человека разделяло бы кварталы. В переулке он увидел Аню, прижатую к сырой кирпичной стене, и тени, окружившие её. Увидел зелёные глаза незнакомца. На мгновение что-то в лице Элиора изменилось: узнавание или страх — Аня не успела разобрать.

— Отойди от неё, — потребовал ангел.

— А ты опять пришёл слишком поздно, хранитель.

Элиор заслонил женщину золотым светом. Воздух вокруг них пошёл волнами. Несколько теней отпрянули, но незнакомец поднял руку — и свет словно упёрся в невидимое стекло.

— Ты охраняешь ребёнка, — произнёс он. — А эту женщину кто назначил твоей подопечной?

Элиор не ответил. Он попытался расширить защиту, но золотая нить, ведущая к Кате, болезненно натянулась. Защищая мать, он рисковал открыть путь к дочери.

Аня увидела его колебание. Она не слышала всего, что говорили бессмертные, но почувствовала знакомое тепло возле плеча и вдруг поняла, чего от неё ждут: одного слова, одного зова, который приведёт Катю сюда.

Впервые за всю жизнь Аня обрадовалась, что дочь сейчас не рядом.

— Не надо, — сказала она Элиору. — Останься с ней.

Ангел повернулся к ней.

— Я могу…

— С ней, — повторила Аня.

Она не успела сказать больше. Чёрная вспышка пересекла переулок и ударила туда, где билось её сердце. Боль оказалась короткой; вслед за ней пришёл холод, глубокий и тихий. Колени подогнулись.

Падая, Аня подумала о простых вещах: о чайнике на плите, о Катиных носках, которые она не успела зашить, о том, что обещала принести что-нибудь вкусное. Эти мелочи казались теперь важнее всех тайн.

«Прости, маленькая. Я не вернусь».

Где-то далеко прозвучал детский крик. Аня хотела ответить, но голос уже не принадлежал ей.

* * *

Незнакомец ушёл прежде, чем Элиор смог его удержать. Тени одна за другой растворились в трещинах стен. В переулке осталась женщина, лежавшая на холодном асфальте, и незаметный для прохожих ангел, который не решался наклониться к ней.

— Я обещал её защитить, — произнёс Элиор. И сам не понял, говорил ли об Анне или о Кате.

С соседней крыши за ними наблюдал Кайден. Он пришёл по следу обрывков своей серебряной цепи — боль от них возвращалась всякий раз, когда Катя оказывалась в опасности. Теперь он видел только неподвижное тело Ани и золотое сияние, угасавшее у её плеча.

— Ты всегда выбираешь, кого считать спасённым, — тихо сказал Кайден.

Элиор вскинул голову.

— Её дочь жива.

— А мать?

Ответа не было.

Кайден сжал ладони. Он хотел сказать, что будь связь с Катей прежней, он почувствовал бы опасность раньше. Но это было лишь предположение, которое ничего не меняло. Аня погибла, и оба бессмертных оказались рядом слишком поздно.

Вера Ивановна приехала к дому Анны на следующий день. Ей позвонила Зинаида Петровна, когда из милиции сообщили, что молодую женщину нашли на улице без явных следов насилия. Объяснение звучало буднично: вероятно, внезапная остановка сердца. В те дни у города было слишком много бед, чтобы задерживаться на одной.

Катя сидела на ковре, прижимая к груди зайца, и всё время оглядывалась на входную дверь.

— Мама придёт? — спросила она, когда Вера Ивановна сняла пальто.

Та опустилась на колени. Ответить оказалось труднее, чем позвонить родственникам, договориться о документах или найти чистую одежду для ребёнка.

— Мама тебя очень любит, Катюш, — сказала она наконец.

Девочка посмотрела на неё настороженно, будто взрослые снова пытались заменить правду чем-то мягким.

Позже, собирая вещи Анны, Вера Ивановна нашла в сумке сложенный лист. Сверху неровным почерком было написано: «Доченьке». Она не стала читать дальше. Убрала письмо в карман, а дома спрятала за иконой — до времени, когда Катя сможет понять написанное.

Четыре тетради в шкафу Вера обнаружила не сразу. Их она тоже сохранила.

Ночью Катя впервые заснула без материнской колыбельной. Зинаида Петровна сидела рядом и шептала молитву. Элиор стоял у кроватки. Кайден остался за окном.

Никто из них не мог вернуть Аню.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.
Танцы на похоронах

22 августа 1991 года. Четверг.

В день похорон дождь прекратился. Над кладбищем висело низкое серое небо; листья на берёзах почти не шевелились. После нескольких тревожных дней город ещё не пришёл в себя, и собравшиеся говорили вполголоса, словно боялись произнести что-нибудь лишнее.

Вера Ивановна держала Катю на руках. Девочке не исполнилось ещё трёх лет — до дня рождения оставалось пять дней. Она устала от незнакомых лиц, чужих рук и тяжёлого запаха цветов. Каждый раз, когда кто-то наклонялся к ней, она пыталась найти за его плечом мать.

Вера Ивановна не знала, как объяснить ребёнку смерть. Она знала, как оплатить необходимые расходы, где подписать бумагу, кому позвонить. Но на вопрос «где мама?» ни одна из привычных житейских забот не давала ответа.

— Она не придёт? — спросила Катя.

Вера погладила её по волосам.

— Нет, солнышко. Не придёт.

Девочка нахмурилась. Потом посмотрела на гроб и протянула туда руку. Вера крепче прижала её к себе, боясь, что ребёнок испугается.

Но Катя смотрела не на гроб.

По краям могилы двигались тени. Их не было на земле — только между людьми, на высоте человеческого роста. Одни скользили за спинами, другие словно кружились парами. При каждом всхлипе они приближались к скорбящим, и чем сильнее кто-нибудь плакал, тем заметнее становилось их движение.

Это походило на танец. Медленный, бесстыдный, чужой. Будто незваные гости явились не проститься с Аней, а поживиться тем, что осталось после её смерти.

Катя уткнулась лицом в воротник Веры. Тени потянулись ближе.

— Не смотри на них, — негромко сказал Элиор.

Его не слышал никто из людей. Ангел стоял возле свежей земли, и золотая цепь между ним и девочкой едва светилась. Он не мог убрать скорбь из человеческих сердец. Мог лишь не дать тем, кто питался ею, приблизиться к Кате.

Он поднял ладонь. Тени отступили на несколько шагов, но не исчезли; продолжали медленно кружиться между деревьями.

— Ты считаешь, что если отгородишь её от боли, она перестанет существовать? — спросил знакомый голос.

Кайден стоял у кладбищенской ограды. Его чёрная одежда не трогала мокрую траву, а в ладони холодным светом мерцал след оборванной цепи.

— Ты не должен был приходить, — ответил Элиор.

— А ты не должен был опоздать.

Элиор промолчал. В этот раз он не нашёл привычного объяснения.

— Она умерла за дочь, — сказал Кайден. — Без договора. Без клятвы хранителя. Никто не приказывал ей жертвовать собой.

— Я знаю.

— Тогда почему ты до сих пор говоришь о людях так, будто их нужно только беречь от собственного выбора?

Элиор повернулся к девочке. Та уже подняла голову и смотрела в сторону ограды. На миг Кайдену показалось, что она узнала его: не лицо, не имя — знакомый холод из самого начала своей жизни.

Он сделал шаг, но остановился. Между ним и Катей по-прежнему существовал запрет, который не позволял приблизиться без боли. И всё-таки он пришёл — не для спора с братом, а потому что девочка осталась без матери.

Вера Ивановна медленно отошла от могилы. Люди один за другим расходились; кто-то предлагал проводить её домой, кто-то говорил о поминках. Она слушала, не запоминая слов.

— Бабушка, — сказала Катя. — Они танцуют.

— Кто, милая?

— Там.

Катя показала на мокрые деревья. Вера посмотрела и увидела только ветви, неподвижные под серым небом.

— Это листья, Катюш. Ветер.

— Нет, — тихо ответила девочка.

Вера Ивановна не стала спорить. На кладбище у ребёнка было достаточно причин видеть странное.

В стороне от дорожки Кайден поднял обожжённую ладонь. Один из теневых силуэтов приблизился к нему и тут же отпрянул, словно обжёгся о собственный страх. Остальные замедлили свой нелепый танец и растворились между стволами.

Элиор посмотрел на брата с неожиданным вниманием.

— Ты отогнал их.

— Они любят чужое горе, — ответил Кайден. — Но есть вещи, которых боятся даже тени.

— Почему ты помог?

Кайден долго не отвечал.

— Потому что сегодня ей и без нас есть что терять.

Он повернулся и ушёл по узкой дорожке, не коснувшись ни одного человека. У самой ограды на камне осталась тонкая белая изморозь, быстро таявшая под августовским воздухом.

* * *

Вечером Вера Ивановна уложила Катю спать в комнате, где незнакомо пахло мебельной полировкой и сушёной мятой. Девочка долго не отпускала рукав её платья.

— Мама любила меня? — спросила она.

— Очень.

— А ты?

Вера почувствовала, как сжалось горло. Она не стала обещать, что никогда не оставит ребёнка. После этого дня любые обещания казались слишком хрупкими.

— И я тебя люблю, — сказала она. — И завтра буду рядом.

Катя отпустила рукав. За окном прошумела машина, затем стало тихо. Вера сидела возле кровати, пока дыхание девочки не выровнялось.

Элиор стоял у двери. Он слышал слова Веры Ивановны и впервые за долгое время не нашёл в них ни одного недостатка, который следовало бы исправить.

В ту ночь он решил, что Катя больше никогда не останется без защиты.

Когда-нибудь именно это решение обойдётся ей слишком дорого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.